

Введение

Сегодня, в условиях, когда, с одной стороны, активно осуществляется мировая глобализация, с другой — восстанавливается система многополярного мира, все более актуальным становится изучение международных отношений в наиболее важных в стратегическом и даже геополитическом отношении регионах, к которым, вне всякого сомнения, на протяжении многих веков относится и Центральная Азия. Изучение истории взаимоотношений различных народов и государств в этом регионе имеет длительную историю, что неудивительно: ведь анализ опыта прошлого необходимо в значительной степени учитывать при выстраивании международных отношений в этом регионе и сегодня.

Объектом исследования в настоящей коллективной монографии является, можно сказать, самый «центр» Центральной Азии: исторические области Илийский край (Кульджа) и Восточный Туркестан, сегодня составляющие Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики, а также территориально примыкающее к ним княжество Хунза, являющееся в настоящее время округом в составе Исламской Республики Пакистан. Именно в этом регионе во второй половине XIX в. неоднократно сталкивались интересы мировых империй — Российской, Британской и Цинской, а также соседних региональных государств — Кокандского ханства, княжества Кашмир и др. Свою задачу авторы книги видели в детальном и разностороннем анализе международной ситуации, складывавшейся в исследуемых регионах в рассматриваемый период, уделяя наибольшее внимание политике в них Российской империи, но при этом не сводя ее деятельность исключительно к противостоянию с Великобританией за контроль над Центральной Азией середины XIX — начала XX в. (так называемой «Большой игре»).

Первая глава монографии посвящена политике Российской империи в Восточном Туркестане, который во второй половине XIX в. неоднократно сотрясали восстания, целью которых был выход региона из состава империи Цин и восстановление власти мусульманских правителей — потомков династий, прежде управлявших этим регионом.

Восточный Туркестан в силу богатой событиями истории, стратегической важности в Центральной Азии и, конечно же, неоднозначности современного политического положения, постоянно привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей. Историография, посвященная его изучению, настолько обширна, что, в свою очередь, уже становится предметом исследований¹. Ряд авторов изучает специфику этого региона, прослеживая его историю с древности и средневековья (как, например, Д. В. Дубровская, О. В. Зотов или Дж. Милворд), другие же уделяют внимание отдельным аспектам или периодам. При этом особое внимание специалистов привлекает история Йэттишара («Семиградья») — самопровозглашенного государства, созданного Мухаммадом Якуб-беком, выходцем из Кокандского ханства, около 1864 г. и прекратившего существование вскоре после его смерти в 1877 или 1878 г. Учитывая, что это государство представляло большой интерес для Российской и Британской империй в ходе их вышеупомянутого противостояния, неудивительно, что его история нашла освещение в многочисленных работах отечественных, западных и восточных историков. К числу наиболее известных из них, вероятно, следует отнести монографии Д. А. Исиева и Х. Кима, непосредственно посвященные анти-цинскому восстанию в Восточном Туркестане и государству Йэттишар, большой интерес представляют также работы, посвященные проблемам международных отношений в регионе в связи с появлением на политической арене государства Якуб-бека. Так, М. К. Басханов исследовал его отношения с Британской империей, А. Д. Васильев — с мусульманским миром, в т. ч. с Османской империей, С. В. Моисеев — с Российской империей и т. д.

¹ См., напр.: *Light N. Annotated Bibliography of the History and Culture of Eastern Turkistan, Jungharia/Zungaria/Dzungaria, Chinese Central Asia, and Sinkiang/Xinjiang (for the 16th–20th centuries CE, excluding most travel narratives) // The Silk Road Journal. Vol. 3. No. 1. 2005. P. 28–48.*

В гораздо меньшей степени изучен период, предшествовавший появлению Йэйтишара, а также период, непосредственно последовавший за его падением. Соответственно, в первой главе настоящей монографии предпринимается попытка исследования международно-политического положения Восточного Туркестана на протяжении практически всего XIX в. Авторы анализируют особенности политико-правового статуса так называемого «государства ходжей», спецификой которого было то, что представители династий, правивших в этом регионе до его завоевания маньчжурами на рубеже 1755–1760-х гг., предпринимали целую серию попыток восстановить свою власть над Восточным Туркестаном, результатом чего становились неоднократные провозглашения создания такого государства в 1820-х, 1830-х, 1840-х и 1850-х гг., однако все они заканчивались поражением восставших и жестокими расправами маньчжурских властей над поддержавшим их населением региона. Основным источником сведений о деятельности ходжей из рода Ак-таглык («белогорцев») в этот период стали записки выдающегося российского ученого Ч. Ч. Валиханова, который, будучи чиновником для особых поручений при западносибирском генерал-губернаторе Г. Х. Гасфорте, едва ли не первым из российских подданных (и вообще представителей европейских государств) совершил в конце 1850-х гг. поездку в Восточный Туркестан и на основе своей поездки подготовил целую серию трудов о его прошлом и настоящем. На основе его записок, равно как и переписки западносибирских и центральных властей в связи с его экспедицией, была предпринята попытка реконструкции ситуации в регионе в период восстаний ходжей и отношения России к событиям в Восточном Туркестане.

Не считая необходимым вновь обращаться к вопросам восстания 1860–1870-х гг. в целом, авторы уделили внимание ряду конкретных аспектов, связанных с существованием государства Йэйтишар и международной политикой в его отношении. В частности, в научный оборот вводится записка военного губернатора Семипалатинской области и ученого, члена Императорского Русского географического общества В. А. Полторацкого 1871 г., содержащая ряд рекомендации российским властям по поводу выстраивания отношений с империей Цин, а также особо с ее владениями в Восточном Туркестане и Монголии. Отдельный параграф главы посвящен государственной деятельности Якуб-бека в том виде, в каком его

преобразования воспринимались российскими и британскими дипломатами, посетившими Йэттишар. Тем самым авторы подчеркивают важность записок иностранных путешественников-очевидцев как источника о политико-правовых реалиях государства Якуб-бека, существенно повлиявших и на его международную политику, и на отношение к нему мировых держав. Специальное исследование также посвящено формально-юридическим аспектам борьбы России и Англии за влияние в Йэттишаре, оно базируется на анализе договоров, заключенных властями Русского Туркестана и Британской Индии с Якуб-беком. Детальное изучение формы и содержания этих договоров, их сравнение с другими аналогичными соглашениями, заключавшимися обеими империями с другими государствами Центральной Азии, позволяет сделать и общие выводы о том, насколько выстраивание отношений с Йэттишаром вписывалось в общую политику России и Англии на центральноазиатском направлении.

Завершает главу сюжет, относящийся к самому концу XIX в., т. е. к периоду, когда анти-цинское восстание в Восточном Туркестане было подавлено, и в этом крае осуществлялись радикальные реформы системы власти и управления с целью его интеграции в политико-правовое и социально-экономическое пространство империи Цин. На примере путешествия русских казаков, сопровождавших немецкую естественнонаучную экспедицию в Китай, демонстрируется существенное изменение международно-политической ситуации в регионе, вызвавшее появление новых форм отношений, равно как и новые проблемы в отношениях пограничных администраций России и Китая, пострадавшей стороной в которых могли оказаться представители каждой из империй, целенаправленно или случайно оказавшиеся в пределах соседней державы.

Вторая глава монографии посвящена соседнему с Восточным Туркестаном региону — Илийскому краю, также нередко фигурирующему в исследованиях как Кульджа или Кульджинский край (по названию его административного центра). Как и Восточный Туркестан, Илийский край со второй половины XVIII в. находился в составе империи Цин, и точно так же он стал центром анти-цинского мусульманского восстания. Однако судьба его сложилась иначе: уже в 1871 г. созданное здесь самопровозглашенное государство, фигурирующее под названиями Илийский, Кульджинский или Таранчинский султанат, было упразднено, и регион более чем

на десятилетие вошел в состав Российской империи — формально до 1881, фактически же до 1884 г. Поэтому вполне логично изучению международно-политической ситуации в этом регионе и российской политике в нем посвящена самая обширная глава монографии, включающая восемь параграфов.

Как и Восточному Туркестану, Илийскому краю посвящена обширная историография, в т. ч. и периоду, которому посвящена глава данной монографии. Среди наиболее значительных исследовательских трудов по так называемому «Илийскому кризису», т. е. временной аннексии Илийского края Российской империей и превращению его в Кульджинский район Семиреченской области в составе Туркестанского края, а также последовавшему за этими событиями конфликту России с империей Цин, можно отметить работы С. М. Горшениной, А. Д. Воскресенского, В. А. Моисеева, Д. Ноды, И. Сю (Hsü) и др.

В связи с этим авторы, как и в первой главе, сочли целесообразным не обращаться к общему обзору пребывания Илийского края в составе России, а рассмотреть ряд конкретных аспектов истории региона в данный период, а равным образом изучить ситуацию, предшествовавшую аннексии Кульджи, и события, последовавшие после принятия решения о ее возврате Китаю.

Соответственно, в первом параграфе второй главы выявляются особенности политико-правового положения Илийского края в 1760–1860-х гг., т. е. со времени присоединения его к Китаю и до начала мусульманского восстания в регионе. Наряду с официальными документами, большое внимание уделяется анализу записок российских путешественников — дипломатов, торговцев, пограничных чиновников и пр., побывавших в Кульдже в это время.

Следующие несколько параграфов посвящены различным аспектам присоединения Илийского края к России: идеологическому обоснованию, административным и правовым аспектам, влиянию российского управления на социально-экономический и культурный уровень населения, дискуссиям во властных структурах и средствах массовой информации о целесообразности возвращения Кульджинского района империи Цин. В рамках рассмотрения данных аспектов, далеко не все из которых до сих пор находили достаточное освещение в историографии, проводится анализ нормативно-правовых актов, свидетельств современников, публикаций в газетах и журналах, формальной и частной переписки

непосредственных участников процессов присоединения Илийского края и формирования в нем российской системы управления. Авторы также предпринимают попытку ответить на вопрос, можно ли считать действия российских (туркестанских) властей в этом регионе модернизацией.

Наконец, завершающий параграф второй главы освещает проблему правового положения населения Кульджи после возвращения ее империи Цин: речь идет о судьбе тех местных жителей, которые симпатизировали российским властям или даже официально приняли российское подданство. Многочисленность этой категории в регионе позволила имперским властям выработать соответствующие условия возвращения Илийского края маньчжурской администрации: сохранение части территории за Россией, недопущение притеснений со стороны маньчжурских властей те русско-подданных, которые решили остаться в крае после возвращения, и пр.

Третья глава монографии посвящена Хунзе — исторической области на Гиндукуше, которая в течение многих веков была самостоятельным государством. Несмотря на малочисленность населения (несколько тысяч чел.) и на бедность природными ресурсами, близость Хунзы, с одной стороны, к Памиру и Восточному Туркестану, а с другой — к княжеству Кашмир, подконтрольному властям Британской Индии, обусловила интерес к этому государству со стороны трех мировых империй — Российской, Британской и Цинской.

В отличие от Восточного Туркестана и Илийского края, Хунза не привлекала значительного внимания отечественных исследователей (не считая секретных аналитических записок российских разведчиков и администраторов рубежа XIX–XX вв.) — за исключением кратких упоминаний в трудах отдельных авторов, изучавших «Большую игру» в целом на всех ее направлениях². Это представляется вполне объяснимым, если учесть, насколько кратковременным эпизодом в этом русско-английском противостоянии была борьба за Хунзу: всего полдесятилетия, с середины 1880-х до начала 1890-х гг. Соответственно, вхождение Хунзы в число областей, подконтрольных Британской Индии уже с 1891 г. обусловило интерес к истории этого государства со стороны английских

² См., напр.: *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии русско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2012. С. 188, 190, 192, 195, 197.

авторов — начиная с самих английских участников ее покорения (Д. Биддульф, А. Дюранд, Ф. Янгхазбенд) и до современных британских, немецких и американских авторов XX — начала XXI в.

Соответственно, третья глава монографии фактически является первой попыткой осмысления этого отдельного направления в центральноазиатской политике Российской империи, которая в конце 1880-х гг. была весьма близка к тому, чтобы установить контроль над Хунзой — этими «воротами» в Британскую Индию, причем при полном согласии со стороны местных правителей. В первом параграфе этой главы дается общая характеристика международной ситуации, сложившейся вокруг этого небольшого государства, причем обращается внимание на достаточно активную роль империи Цин, к этому времени номинально считавшейся сюзереном Хунзы и, в конце концов, сделавшей выбор в пользу передачи контроля над княжеством Британской Индии, а не более близкому соседу — Российской империи.

Едва ли не единственным российским современником, побывавшем в Хунзе в рассматриваемый период, стал Б.Л. Громбчевский, военный и ученый, который посетил Хунзу в 1888 г., формально являясь главой научной экспедиции, но фактически проведя важные дипломатические переговоры с ее правителем. Наряду с его несколькими официальными отчетами и научными докладами и статьями, подготовленными и опубликованными по итогам этой поездки, ценнейшими источниками сведений о Хунзе являются его дневник путешествий в Хунзу, впервые опубликованный лишь в 2016 г., а также воспоминания «Путешествия по Центральной Азии», также впервые переведенные с польского в конце 2010-х гг. Именно это позволило авторам монографии включить в третью главу специальный раздел, посвященный государственному устройству, системе правоотношений и международному положению Хунзы на основе анализа этих недавно введенных в научный оборот источников.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются общие выводы и определяются перспективы дальнейших исследований международных отношений в изучаемых регионах.

Глава 1

Восточный Туркестан — беспокойное пограничье Российской империи

1.1. Государство ходжей в сфере интересов Российской империи (миссия Ч. Ч. Валиханова и ее результаты)

Интерес Российской империи к Восточному Туркестану возник еще в начале XVIII в., когда сибирские власти по поручению Петра I предпринимали попытки направить торговые караваны в тогда еще независимое владение. Однако в конце 1750-х гг. регион был завоеван империей Цин и надолго закрыт для России; в течение второй половины XVIII — первой половины XIX вв. лишь отдельные русские путешественники добирались до Восточного Туркестана, сообщая отрывочные сведения о нем¹. В середине XIX в. ситуация несколько изменилась: в Илийском крае (Кульдже), соседнем с Восточным Туркестаном, в 1851 г. появляется российское консульство, благодаря которому имперские власти стали получать более систематизированные сведения о регионе.

Именно консул в Кульдже И. И. Захаров впервые высказал предложение о превращении Восточного Туркестана в протекторат Российской империи. В начале 1857 г. он направил западносибирскому генерал-губернатору Г. Х. Гасфорту и в Министерство иностранных дел сообщение о восстании мусульман в Восточном Туркестане¹ и предложил российским властям поддержать восставших, помочь им создать независимое ханство, взяв его под покровительство России².

Г. Х. Гасфорт, ознакомившись с запиской И. И. Захарова, в свою очередь, направил военному министру Н. О. Сухозанету записку, в которой напоминал, что представители бывшей правящей

¹ *Кляшторный С. Г., Колесников А. А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Наука, 1988. С. 54–55, 57–58.

² *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2012. С. 82.

династии Восточного Туркестана уже и раньше обращались за поддержкой к России, что позволяет рассчитывать на их дружеское отношение к империи и впредь. Кроме того, он обращал внимание министра на то, что Восточный Туркестан примыкает к «нашим сомнительным владениям» — местам проживания «дикочаменных» киргизов, недавно признавших власть Российской империи, и установление контроля над этим регионом позволит контролировать как киргизов, так и среднеазиатские ханства. Гасфорт призывал центральные власти создать независимое ханство в Восточном Туркестане под властью потомка ходжей «или другого претендента», чем Россия могла бы оказать «важную услугу народу, для которого тирания манчжуро-китайцев сделалась невыносимой»³.

Нельзя не заметить, что формально понятие протектората в проекте Гасфорта не фигурировало — вероятно, потому, что к середине XIX в. Россия еще не имела опыта организации подобной системы отношений в Центральной Азии. Речь шла преимущественно о влиянии России на ханство — «независимое», но «под покровительством» империи. И хотя Г. Х. Гасфорт, согласно свидетельствам современников, отличался некоторой эксцентричностью в поведении и общении, он далеко не был склонен к политическим авантюрам (в отличие, например, от своего современника, оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского). Он всегда рационально выстраивал отношения с соседними народами и государствами, соотнося свои действия с политикой центральных имперских властей. Именно поэтому его записка была внимательно изучена в Военном министерстве и 22 апреля передана на ознакомление императору Александру II. Кроме того, актуальность предложения Гасфорта подчеркивалась общим характером российско-китайских отношений в середине XIX в., которые характеризовались крайней неустойчивостью из-за внутренних проблем в империи Цин. Ведь, помимо восстания непосредственно в Восточном Туркестане, маньчжурским правителям приходилось воевать с тайпинами, а также противостоять европейским державам, боровшимся за привилегии для своих торговцев в Китае и, в частности, за свободную торговлю опиумом. Все эти обстоятельства наводили на мысль

³ Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1904. С. 330–332.

о существенном ослаблении и, возможно, скором распаде империи Цин. Неудивительно, что в постоянно менявшихся политических обстоятельствах, как раз в 1850-е гг., после более чем полувекового перерыва, была подписана целая серия международных договоров между Россией и Китаем: Кульджинский трактат 1851 г., а уже после записки Гасфорта — Айгунский договор 1858 г., Тяньцзиньский договор 1858 г. и Пекинский договор 1860 г.

Поэтому предложения западносибирского генерал-губернатора были встречены с интересом и в целом получили одобрение. Правда, Н. О. Сухозанет в ответном послании Гасфорту от 28 августа 1857 г. указал, что для начала «необходимо узнать в подробности и с точностью настоящее положение дел в Кашгаре, степень силы и важность восстания, все случайности успеха в отдельном существовании этого владения и сочувствие народа к прежней магометанской династии», для чего предлагалось направить в Восточный Туркестан «опытного и надежного человека» под видом торговца. Вместе с тем, министр отдал генерал-губернатору распоряжения усилить отряды в Заилийском крае, т. е. на границе с Восточным Туркестаном, стараясь получать дополнительные сведения о регионе и через пограничные посты. Самым же важным пунктом в этих распоряжениях, как представляется, был следующий: «Если бы по восстановлении в Кашгаре прежней династии, независимой более от китайского правительства, представители этой династии обратились к вам с просьбой о помощи или содействии, то, не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре, вы испросите разрешение правительства на дальнейший ход этого дела, и вместе с тем в виду предстоящих обстоятельств должны быть готовым к оказанию содействия»⁴. Как видим, основанием для вмешательства в дела соседнего государства имперским властям виделась не только их собственная воля, но и инициатива населения самого региона, которое должно было «пригласить» российские войска для оказания помощи

Казалось, планам Гасфорта было суждено осуществиться в ближайшее время. В октябре того же года он писал Сухозанету со слов Захарова, что восстание в Восточном Туркестане все ширится, и его возглавляют именно потомки прежней династии,

⁴ Там же. С. 332–333.

однако признавался, что нет сведений о том, какими средствами они располагают и насколько пользуются поддержкой населения⁵. Таким образом, все вновь свелось к необходимости выяснения обстановки на месте.

Главным последствием предложений Гасфорта стала, как известно, миссия того самого «опытного и надежного человека» в Восточный Туркестан — речь идет о поездке Ч. Ч. Валиханова в Кашгарию в 1858–1859 гг. Ее научные результаты до сих пор оцениваются весьма высоко, однако в политическом отношении она поставила крест на идее Захарова и Гасфорта. Еще в мае 1858 г., находясь в Верном (совр. Алматы) и готовясь к поездке в Кашгар, Валиханов писал Гасфорту, что восстание ходжей 1857 г. подавлено, а его предводитель, Вали-хан-тура, своей «жестокостью и безрассудным поведением» в отношении не только китайцев и иностранцев, но и собственных подданных совершенно «охладил» их «энергические стремления... к независимости»⁶. Тем не менее, поездка состоялась, и в ее ходе, а главное, по ее результатам Ч. Ч. Валиханову удалось не только проявить свои качества разведчика и исследователя, но и получить признание в качестве ученого со стороны российской и даже международной общественности.

Во время и по итогам поездки в Восточный Туркестан Ч. Ч. Валиханов подготовил целый ряд сочинений, среди которых — записи дневникового характера, официальные отчеты об исполненной миссии и наброски научного содержания. Значительная часть этих материалов составила основу для его фундаментального труда «О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах», который, собственно, и поставил Ч. Ч. Валиханова в ряд выдающихся российских востоковедов, сделав фактическим первооткрывателем Восточного Туркестана для научной общественности. Значение этих работ оказалось настолько существенным, что даже исследователи истории Восточного Туркестана и сопредельных государств, которые опираются на среднеазиатские источники, используют сочинения Ч. Ч. Валиханова также в качестве первоисточника по данной

⁵ Там же. С. 334–335.

⁶ *Валиханов Ч. Ч.* [Записки об организации поездки в Кашгар] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 9, 12.

тематике⁷. Собранные им сведения представляют большой интерес и важность по нескольким причинам.

Во-первых, интерес Ч. Ч. Валиханова к государству ходжей, его истории и политико-правовому развитию был не случаен: исследователи уже обращали внимание на наличие у него сформировавшихся взглядов по вопросам политико-правового развития восточных регионов Российской империи⁸. Соответственно, его сведения о государственности и праве Восточного Туркестана являются далеко не поверхностными, а достаточно глубокими и вписанными в контекст общего исторического развития региона. Исследователь в полной мере осознавал, что политические события в Восточном Туркестане, происходившие фактически в период его пребывания в регионе (в частности, неоднократные восстания ходжей и других представителей местной элиты), объясняются отнюдь не сиюминутными обстоятельствами, а имеют глубокие исторические корни⁹. Поэтому, помимо описания современного ему положения Восточного Туркестана, он посвятил ряд работ и истории этого региона.

Во-вторых, сведения Ч. Ч. Валиханова могут рассматриваться как уникальный источник о политических реалиях в регионе. Как известно, в середине XVIII в. империя Цин захватила Восточный Туркестан, свергнув местную династию Белогорских ходжей, обладавших теократической властью в силу своего происхождения от пророка Мухаммада. Некоторые представители династии нашли убежище в Коканде, и их потомки на протяжении XIX в. неоднократно предпринимали попытки вернуть власть в Восточном Туркестане. Они умело использовали в своих интересах как пиетет местного населения к роду ходжей, так равно и недовольство политикой империи Цин в регионе, что и приводило к массовым анти-цинским восстаниям в регионе в 1825–1828, 1830–1831, 1847, 1855, 1856 и 1857 гг., в результате которых ходжи на короткое время возрождали свое государство. Исследователи рассматривали историю государства Йэйтишар,

⁷ См., напр.: *Исиев Д. А.* Уйгурское государство Йэйтишар (1864–1877). М.: Наука, 1981. С. 10, 80; *Newby L. J.* The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 237–240.

⁸ *Зиманов С. З., Атишев А. А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1965; *Почекаев Р. Ю.* Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. 2013. С. 333–342.

⁹ *Валиханов Ч. Ч.* [Записки об организации поездки в Кашгар]. С. 9–10.

возникшего в результате более позднего восстания 1864–1878 гг.¹⁰, тогда как события более ранних восстаний в политико-правовом аспекте оказывались вне поля зрения ученых. И именно материалы Валиханова являются основным источником по данной проблематике.

Ч. Ч. Валиханов побывал в регионе по горячим следам последнего (на тот момент) из этих восстаний и имел возможность получить сведения о нем из первых рук, т. е. непосредственно от свидетелей и даже участников событий. В результате исследователь весьма четко осветил основные тенденции политического развития этого региона, приняв во внимание целый ряд факторов: древние традиции административного управления и правового регулирования отношений в регионе, административно-правовую политику империи Цин, политическую деятельность ходжей и поддерживавшего их Кокандского ханства, а также активизацию деятельности в регионе английских эmissаров. Его сведения, таким образом, позволяют прояснить причины политической нестабильности в регионе, остающиеся актуальными и до сих пор.

Наконец, в-третьих, интерес Ч. Ч. Валиханова к политико-правовой ситуации в Восточном Туркестане до некоторой степени может объясняться и «семейными» причинами. Этот регион, как известно, граничил с кочевьями казахов Старшего жуза, как раз в это время входившего в состав Российской империи. А правителями в жузе на протяжении многих десятилетий, как известно, были потомки хана Аблая, то есть близкие родственники самого Валиханова. Уже во время первого восстания 1825–1828 гг. эmissары его предводителя Джангир-ходжи посещали султанов Старшего жуза — Сюка Аблайханова и Кулана Адилева, а также их родичей в Среднем жузе с призывом поддержать антикитайское выступление. Однако формально такой поддержки от Старшего жуза ходжа не получил (хотя некоторое количество его представителей и присоединилось к восставшим), а султаны Среднего жуза, Аббас и Губайдулла — кстати, родные дяди самого Ч. Ч. Валиханова, — напротив, намеревались лично поехать в Пекин для демонстрации лояльности императору¹¹. Таким образом, сбор и систематизация

¹⁰ См., напр.: *Исиев Д. А.* Уйгурское государство Йэттишар.

¹¹ *Валиханов Ч. Ч.* [О восстании в Кашгаре в 1825–1826 гг.] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2, 1985. С. 345–346; *Валиханов Ч. Ч.* [Черновой материал о восстании в Кашгаре в 1825 г.] // Там же. С. 320, 322.

сведений о Восточном Туркестане, имевшие целью выработку наиболее оптимальной российской имперской политики в регионе, также должны были повлиять на взаимоотношения казахов Старшего жуза с властями Восточного Туркестана.

Любопытно отметить, что, хотя основные сведения о Восточном Туркестане представлены в работах Ч. Ч. Валиханова, подготовленных по итогам миссии 1858–1859 гг., он начал сбор соответствующей информации несколько ранее — когда принял участие в переговорах российских и китайских властей в Кульдже в 1856 г. Поэтому мы будем использовать также его работы по итогам этой миссии.

Начнем с анализа тех сведений о политических реалиях Восточного Туркестана, которые были составлены по личным наблюдениям Ч. Ч. Валиханова, — то есть организации власти, управления и социально-политических отношений под контролем империи Цин. Исследователь сразу обращает внимание на существование двух уровней власти: имперской администрации и местного управления. Цинская имперская администрация была представлена илийским цзянцзюнем, то есть генерал-губернатором, в подчинении которого находились три «военных губернатора» — хебе-амбаня (в Кульдже, Яркенде и Тарбагатае)¹². В крупных городах также имелись тынза, своеобразные «полицейские управления», во главе которых стояли китайские офицеры (пия), а при них находилось по 5–6 китайских же полицейских. Кроме того, в наиболее крупных городах Восточного Туркестана (в особенности после ряда восстаний в 1820–1830-е гг.) появились китайские гарнизоны, размещавшиеся в местных цитаделях¹³. Этим, собственно, цинская административная структура в регионе и исчерпывалась.

Система местного управления, как специально обращал внимание Ч. Ч. Валиханов, сохранилась с до-цинских времен и практически не подверглась изменениям. Крупными городами и принадлежавшими им округами управляли хаким-беки, которым помогали

¹² Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3, 1985. С. 171.

¹³ Валиханов Ч. Ч. Западный край Китайской империи и город Кульджа [Дневник поездки в Кульджу 1856 г.] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. С. 190, 196–197. Говоря о военном командовании гарнизонов, исследователь именуется его членов «бригадными генералами», «подполковниками» и пр.

их заместители (ишкага) и казначеи (газначи-беки)¹⁴. При этом округа, как и столетия назад, фактически были автономны и равны друг другу по статусу; это учитывали и цинские власти, и ходжи, которые, захватывая власть в результате восстаний, делили города и округа между собой, становясь их автономными правителями¹⁵. Население округов с целью оптимизации налогообложения делилось на тысячи и сотни, которыми, соответственно, управляли минбеги (тысячники) и юзбеги (сотники). Кроме того, несколько тысяч были подведомственны особому чиновнику — мираб-беку, в ведении которого находилось поддержание каналов и другие ирригационные работы, а в ряде случаев — и общее руководство селениями, по статусу стоявшими ниже округов. Правоохранительные функции выполняли чиновники, именовавшиеся «пашчаб», которые в случае необходимости оказывали содействие китайским полицейским¹⁶. Любопытно, что наряду с чисто тюркскими названиями должностей существовали и своего рода монгольские «вкрапления» — например, чиновники для особых поручений при хаким-беках носили название дарга-беков¹⁷ (дарга — монг. «начальник», вероятно, вариант средневекового термина «даруга»).

Органы местного управления собирали налоги с населения, к которым относились, в частности, налог с земледельцев, составлявший 10% от урожая (фактически — харадж в мусульманском мире или тагар в тюрко-монгольских государствах), при этом существовала категория так называемых «казенных земледельцев», налог с которых составлял 1/2 от урожая. Торговый сбор (зякет) составлял традиционную для ислама 1/40 от стоимости товаров с мусульман и 1/10 для иудеев и индусов. Также взимались специальные сборы с мельниц, лавок, огородов, плантаций хлопка и т. д.¹⁸

Судебная власть осуществлялась представителями духовенства — кази-ахунами и муфтий-ахунами, причем последние, по сведениям Ч. Ч. Валиханова, были наделены и некоторыми функциями адвокатов¹⁹. Вообще же, приверженность к исламу и, соответственно,

¹⁴ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 172.

¹⁵ Там же. С. 116, 149.

¹⁶ Там же. С. 172, 174.

¹⁷ Валиханов Ч. Ч. [Кашгарский дневник II] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. С. 41–43, 67–68.

¹⁸ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 173, 186.

¹⁹ Там же. С. 172–173.

роль духовенства (к которому также относились хатиб-ахуны, мута-валли-ахуны и имам-ахуны) в Восточном Туркестане, по сведениям исследователя, была не столь велика, как в Западном, т. е. ханствах Средней Азии. Его представители осуществляли религиозную и политическую деятельность, но не имели преобладающего влияния в политико-правовой жизни региона²⁰.

Исследователь подчеркивал, что китайские власти в Восточном Туркестане осуществляли общий надзор и контроль, обеспечивали мир и правопорядок в регионе, его лояльность империи Цин. В деятельность же органов управления и суда они практически не вмешивались. Единственное принципиальное изменение в организации властной системы состояло в том, что до прихода цинских властей хаким-беки избирались местным населением, теперь же их утверждали лично цинские императоры, в остальном же местная властная структура формировалась так же, как и прежде²¹.

Поскольку целью китайских верховных властей было поддержание общего мира, порядка и своевременный сбор налогов, все остальные властные полномочия были передоверены местным властям, которые нередко злоупотребляли ими, поскольку цинская администрация их фактически не контролировала. В результате хаким-беки и их подчиненные могли по своему усмотрению увеличивать ставки налогов и сборов, нарушать местные правовые и судебные обычаи. Ч. Ч. Валиханов, в частности, упоминает, что хаким-беки нередко практиковали ежедневную порку лиц, не выплативших налог, до тех пор, пока те не вносили всю сумму²² (любопытно отметить, что подобная практика существовала в свое время и в Московском царстве под названием «правеж»).

В результате складывалась довольно противоречивая ситуация: население Восточного Туркестана было недовольно налогами, которыми их чрезмерно облагали представители местного управления, но при этом обращало свой гнев на китайские власти, фактически не вмешивавшиеся в налоговый процесс и лишь подтверждавшие властные полномочия хаким-беков! И только в таких случаях

²⁰ Валиханов Ч. Ч. Западный край... С. 192; Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 162.

²¹ Валиханов Ч. Ч. О Кашгаре и его округе // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. С. 229; Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 171, 172.

²² Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 177, 178.

местное население вспоминало о давних мусульманских традициях своей родины и делало религиозную принадлежность знаменем борьбы с «неверными» китайцами и поддерживавшим их монгольским населением региона (ойратами, солонями и пр.), исповедовавшими буддизм, пользовавшийся большим покровительством со стороны Пекина²³. Этим неоднократно пользовались потомки прежних правителей Восточного Туркестана — ходжи, которые возглавляли многочисленные антицинские восстания на протяжении 1820–1850-х гг. Этим восстаниям Ч. Ч. Валиханов посвятил целую серию своих работ начала 1860-х гг. (большинство из которых, впрочем, не было опубликовано при его жизни).

Исследователь много внимания уделяет роли ходжей в политической жизни Восточного Туркестана, подчеркивая давние традиции их власти в регионе и в особенности их духовный авторитет среди местного населения. Он четко воспроизводит их генеалогию, позволяющую объяснить, в частности, почему довольно пассивный и не слишком амбициозный Бузрук-ходжа (Бузрук-хан-тура) постоянно провозглашался главным предводителем восстаний и, соответственно, верховным правителем государства ходжей: являясь представителем старшей ветви династии ходжей, он носил наследственный титул Махдум-и-Азама и пользовался почитанием населения Восточного Туркестана²⁴. В то же время для своих более энергичных и властолюбивых родственников он был весьма привлекательным кандидатом на трон, поскольку в управление практически не вмешивался, позволяя им действовать по собственному усмотрению²⁵.

Весьма важным представляется отмеченное Ч. Ч. Валихановым существование двух линий ходжей Восточного Туркестана — так

²³ См.: *Валиханов Ч. Ч.* Западный край... С. 216–217; *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара... С. 149.

²⁴ *Валиханов Ч. Ч.* [Записки об организации поездки в Кашгар]. С. 12; *Валиханов Ч. Ч.* О состоянии Алтышара... С. 151.

²⁵ Неслучайно именно этот Бузрук-хан-тура и во время наиболее значительного восстания в Восточном Туркестане в 1864–1878 гг. стал номинальным верховным монархом при фактическом правлении временщика Якуббека, лишь к 1867 г. заставившего ходжу покинуть регион, см. подробнее: *Васильев А. Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.). М.: Пробел-2000, 2014. С. 228–229.

называемых Белогорской и Черногорской линий, ведущих происхождение от общего предка Ахмада ал-Касани (Махдум-и Азама) и выделившихся во второй половине XVI в. Белогорские ходжи в первой трети XVIII в. вытеснили Черногорских ходжей из Восточного Туркестана, поэтому неудивительно, что последние после завоевания региона империей Цин поддержали китайские власти. Поэтому многих представителей Черногорской династии китайские власти назначали на должности местного управления — хаким-беков и т. д.²⁶. И хотя Белогорские ходжи, периодически захватывая власть в регионе, старались демонстрировать миролюбие по отношению к родичам и бывшим соперникам, Черногорские ходжи в большинстве своем не шли на союз с ними. И это, как обоснованно отмечал Ч. Ч. Валиханов, является причиной того, что ходжам никогда не удастся установить контроль над всем Восточным Туркестаном, поскольку различные города и области региона поддерживали либо одну, либо другую династию ходжей²⁷. В связи с этим исследователь отмечал, что во время каждого восстания ходжей хаким-беки чаще всего оставались верными династии Цин и противостояли восставшим.

Еще одним важным элементом политико-правового развития Восточного Туркестана в сочинениях Ч. Ч. Валиханова предстает деятельность Кокандского ханства, исторически имевшего претензии на власть и влияние в этом регионе⁶. Власти ханства старались учитывать особенности политической обстановки в Восточном Туркестане, от чего зависела активность их политики. Так, после подавления восстания Джангир-ходжи в 1828 г. кокандцы выразили сожаление властям империи Цин, что не смогли обеспечить контроль за ним и допустили его прибытие в Восточный Туркестан. А уже в 1830 г. брат Джангира, Мэд-Юсуф-ходжа поднял восстание при прямой поддержке кокандских властей, его войсками командовали кокандские же военачальники и т. д.²⁸.

Несмотря на то, что и это восстание закончилось поражением, власти Цин не могли не принять во внимание позицию Кокандского ханства, в результате чего в 1831 г. между ханством и империей

²⁶ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 171.

²⁷ Там же. С. 148, 180.

²⁸ Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара... С. 146–147; Валиханов Ч. Ч. Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г. // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. С. 349–350.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Восточный Туркестан — беспокойное пограничье Российской империи	
1.1. Государство ходжей в сфере интересов Российской империи (миссия Ч. Ч. Валиханова и ее результаты).....	10
1.2. Восстание 1863–1872 гг. в Восточном Туркестане глазами российского военного губернатора.....	26
1.3. Якуб-бек, его государство и реформы глазами российских и британских путешественников.....	46
1.4. Йэттишар в международной повестке Российской и Британской империй: анализ договоров 1872 и 1874 гг.	61
1.5. Необычайная повседневность пограничной службы: история одного путешествия в Восточный Туркестан.....	80
Глава 2. Российская империя в Китае: Кульджинский казус	
2.1. Политико-правовое положение Илийского края до 1860-х гг.....	88
2.2. Китайский Русский Туркестан: неимперский опыт имперской администрации	103
2.3. Российская империя в Кульдже: смыслы присутствия.....	121
2.4. Кульджа под российским владычеством: взгляд имперской администрации	130
2.5. Правовая политика Российской империи в Илийском крае в 1871–1881 гг.: между традицией и модернизацией	147
2.6. Российское присутствие как элемент социокультурной модернизации Кульджи (70–80-е гг. XIX века).....	158
2.7. Кульджа в центре российской общественно-политической дискуссии 70–80-х гг. XIX в.....	164
2.8. Российские подданные в Кульдже после 1881 г.....	172

Глава 3. Россия у ворот в Индию: Хунза как несостоявшийся протекторат	
3.1. Хунза на стыке интересов Российской, Британской и Цинской империй	182
3.2. Политико-правовое положение Хунзы в записках Б. Л. Громбчевского	192
Заключение	210
Список сокращений	216
Архивные материалы	217
Опубликованные источники и литература	218